

Бараш Р. Э., Петухов В. В., Петухов Р. В.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ПРАКТИК ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: raisabarash@gmail.com

Тел.: +7 (495) 670 27 40

Петухов Владимир Васильевич – кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии РАН.

117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5

E-mail: petuhovvv@mail.ru

Тел.: +7 (495) 670 27 40

Петухов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, научный сотрудник, Институт социологии РАН.

117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: petuhovrv@yandex.ru

Тел.: +7 (495) 670 27 40

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – роль информационно-коммуникационных технологий в формировании социально-политических установок россиян и разнообразных практик социального действия. Ими рассматриваются новые возможности и одновременно риски интерактивных форм взаимодействия общества и власти, мобилизационный потенциал Интернета и социальных сетей, в том числе в отстаивании гражданских и политических прав россиян. На основании результатов исследований Института социологии РАН авторы делают вывод о том, что потенциал политического и особенно не-политического интернет активизма не столь высок, как это прогнозировалось ещё несколько лет назад и сегодня не прослеживается заметных отличий в его уровне между респондентами, включёнными и не включёнными в социальные сети. Сказался и «пост-крымский» синдром – раскол сетевого сообщества по вопросу действий России на Украине – вследствие чего ранее единый активистский сегмент интернет-пользователей разошёлся по разным идейно-политическим нишам. Одновременно с этим авторы делают вывод о том, что интернет и социальные сети сыграли важную позитивную роль, вернув многим россиянам интерес к публичной политике и дав толчок многим гражданским инициативам и различным формам низовой самоорганизации, в частности, посредством складывания виртуальных «слабых сетей».

Ключевые слова: коммуникации, самоорганизация, местное самоуправление, интернет, e-демокрасу, электронная демократия, протест.

Тема влияния информационных и коммуникационных источников на социально-политические установки и гражданскую активность интенсивно дебатруется, начиная с публикации в первой четверти XX века работ по политической коммуникативистике Ч. Лазарсфельда и Р. Мертона. Новых поводов дискуссии добавило превращение Интернета в середине 2000-х гг. в один из ключевых источников информации и одновременно в весьма эффективный способ *гражданской самоорганизации, ориентированной на прямое участие и взаимодействие граждан — как между собой, так и с властью*. Дальнейшее распространение новых информационно-коммуникационных технологий позволяет сделать технически возможным выявление, выражение и учёт мнения значительного числа граждан, а также обеспечить их непосредственную коммуникацию с различными органами власти. В политический лексикон и отчасти в научный дискурс уже вошли такие термины, как «электронное правительство» (e-government), «электронное правление» (e-governance) и «электронная демократия» (electronic democracy, e-democracy), описывающие различные формы привлечения граждан к участию в государственном и муниципальном управлении с помощью информационно-коммуникационных технологий. В частности, под «электронной демократией» предлагается понимать особую форму взаимодействия народа и власти, осуществляемую с помощью информационно-коммуникационных технологий, и позволяющую включать граждан в такие политические процессы как совместное обсуждение и принятие решений по социально значимым проблемам [Омеличкин, 2014], [Голубева, Ишматова, 2012].

В России примечательным и передовым является опыт Московского Правительства, которое с помощью on-line сервиса «Активный гражданин» (URL: <http://ag.mos.ru>) смогло за один год (с мая 2014 г. по март 2015 г.) привлечь к участию в решении городских проблем более 1 млн. жителей столицы. За это время с помощью специально разработанного сайта и программы для мобильных телефонов было проведено 580 голосований по самым разным вопросам, начиная с выбора мест для высадки зелёных насаждений и заканчивая запуском новых маршрутов городского транспорта и отбором мер по улучшению работы учреждений здравоохранения. На основании мнения москвичей было принято 250 решений городских властей [Годовой отчёт..., 2015].

«Электоральная демократия», таким образом, открывает широкие возможности для коммуникации общества и власти. В тоже время, она несёт в себе и определённые риски. Широкое распространение интернет-коммуникаций совпало с кризисом многих традиционных демократических институтов, прежде всего представительных органов

власти и политических партий. В современных условиях, по мнению Р. Инглхарта [Инглхарт, 1997: 22], на смену сложившимся в XX в. формам и институтам демократии идёт гораздо более сложная (и в социальном, и в личностном плане) структура социального и политического действия, предусматривающая более активное участие граждан. Всё это создает гипотетическую возможность прямого, «без посредников» общения исполнительных органов власти и населения, усиливая и без этого доминирующую в большинстве современных государств исполнительную власть и, напротив, ослабляя институты представительной демократии. Естественно, что развитие описанного выше сценария как в России, так и в других развитых и развивающихся странах в обозримом будущем представляется маловероятным. Тем не менее, даже если оставить вне поля зрения опасность вырождения «электронной демократии» в «электронную охлократию» или в «электронный авторитаризм» остаётся много проблем, напрямую связанных с практическим применением информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления. В частности, позволяя организовывать процесс массового участия граждан в обсуждении и даже принятии важнейших политических и административно-организационных решений, эти технологии пока не обеспечивают возможности общественного контроля за реализацией принятых решений. Другими словами, граждане допускаются только к выбору общих целей, в то время как непосредственное определение направлений работы, порядка её осуществления и выделяемых на это материальных средств, остаётся исключительной прерогативой органов исполнительной власти. Кроме того, актуализируются и такие вопросы как вариативность и корректность решений, выносимых на общественное обсуждение, достаточность и доступность информации для осознанного выбора граждан, а также технические моменты, связанные с защищённостью каналов связи и сервисов, посредством которых обеспечивается коммуникация между обществом и властью.

Таким образом, массовое непосредственное участие граждан в политике и государственном управлении, становящееся реальным в условиях информационного общества, может стать причиной ослабления представительской функций современных законодательных органов и, как следствие, ещё больше усилить наблюдаемый во многих странах парламентский кризис. Однако в обществе одновременно появляется запрос на контроль за выполнением принятых органами исполнительной власти решений, что открывает новые возможности для развития многообразных форм социального и политического участия, особенно в нашей стране, в которой формальные институты контроля за властью чрезвычайно слабы и неэффективны. Интернет также создаёт не только благоприятные возможности для диалога с властью «без посредников», но и одновременно обладает серьёзным мобилизационным потенциалом, включая разнообразные формы выражения недовольства властью. В прошлое уходят не только многие институты, сформировавшиеся в иных исторических условиях и не отвечающие требованиям современных реалий, но и многие способы отстаивания граждана-

ми своих интересов. В частности, большую пищу для размышлений исследователям всего мира дала так называемая «*Facebook-революция*», а именно *взаимовлияния новых сетевых форм коммуникации и массовых протестных движений, прокатившихся по миру в начале 2010-х годов.*

Совершенно очевидно, что устоявшаяся интерпретация «протестующего» либо как экономического или социального дезадаптанта, либо как человека, стремящегося получить от системы то, что она может, но не желает по каким-то причинам предоставить, сегодня явно несостоятельна. Неслучайно поэтому, что предпринимаемые в последние годы попытки «нарисовать» портрет протестовавшего в 2011–2013 гг. москвича, заканчивались примерно одним и тем же результатом. Среднестатистический участник митингов протеста рисовался молодым жителем московского региона с высшим образованием (как вариант – студентом), преимущественно разделяющим либеральные (отчасти националистические и коммунистические) установки. На улицу, таким образом, вышел московский яппи, желающий побороться за некие абстрактные коллективные блага. Неслучайно многие наблюдатели стали называть протестующих «креативным классом», подразумевая под ним (по аналогии с характеристикой, данной Р. Флоридой в его одноимённой книге) класс интеллектуалов, реализующих социально-значимые проекты – не в последнюю очередь через активную коммуникацию в социальных сетях. Всё это положило начало дискуссиям об идейном расколе российского социума на пассивное молчаливое большинство (или «партию телевизора») и активное «пассионарное» меньшинство («партию интернета»). Ценностное «маркирование» протестующих оказалось востребованным даже не потому, что давало широкие возможности для самоопределения сторонников и противников протеста через отрицание «инобытия чужого» как своих идейных противников. Но потому, что подобного рода обозначение опровергало попытки интерпретировать «митинги несогласных» упрощённо марксистским индикатором экономической удовлетворённости, предлагало логику поиска неких «идейных исканий» нового, ищущего средств самоидентификации, среднего класса.

Принципиальное отличие современных протестных форм активности от иных форм политического участия, в том числе и в России, состоит в том, что протест способен *самостоятельно «производить» политический дискурс и повестку, предлагая новый язык и альтернативные механизмы коммуникации.* На наш взгляд, это выразилось в следующем:

1. *Протестное движение в России, как в других странах мира, стало и реакцией на кризис репрезентативной демократии, и одновременно презентацией политической субъектности нового поколения и её лидеров, которые являются, как правило, гражданскими активистами и позици-*

онирующими себя в качестве альтернативы (особенно поначалу) традиционным политическим партиям как провластным, так и оппозиционным. Это позволяет довольно долгое время уклоняться от фиксации собственных идеологических и политических позиций, расширяя тем самым социальную базу поддержки.

2. Протестное участие изначально ориентировано на создание *альтернативной коммуникации*. *Социальные сети в этом смысле часто выступают главным средством коммуникации гражданских активистов*, заметно упрощая протестное взаимодействие. Социальные сети и интернет не стали движущей силой недовольства, но создали структуру горизонтальных связей, на которую впоследствии уже проецировалось системное недовольство властью в целом. Причём, речь идёт о формировании так называемых «слабых социальных сетей». Дело в том, что причастность к условной «партии Интернета» — очень косвенный показатель активизма, т. к. доступность виртуальной коммуникации прямо не связана с мобилизацией и готовностью к активным действиям. Пока ещё сети служат опорой слабым связям в том смысле, что они редко способствуют построению долговременных личных отношений [Кастельс, 2004: 156]. В свою очередь «слабые связи» дают возможность ситуативно вовлекаться в актуальные проекты, не требуя при этом регулярного участия и взаимодействия граждан. Феномен слабых связей между дифференцированным, неоднородным населением делает реальным структурное сопряжение разнообразных групп через несистемные и редкие, но, тем не менее, важные коммуникативные акты. Такие коммуникативные акты порождают «локальные мосты» коммуникации от одной малой группы к другой, благодаря которым возможна коммуникация и взаимодействие представителей различных социальных кластеров по действительно важной проблематике [Granovetter, 1983].

3. Важным условием формирования альтернативных сетей коммуникации и солидарности является создание прозрачных механизмов *финансирования проектов, направленных на развитие гражданского общества*. С ростом протестной активности к благотворительным инициативам в традиционных сферах общественной помощи — сбору средств больным, инвалидам, пострадавшим от пожаров или наводнений людям — добавилась инициатива сбора средств на различные проекты, важные как для развития гражданского общества, так и реализации разного рода политических инициатив, в том числе для организации протестных митингов. Методику краудфандинга затем стали широко использовать и некоторые медиа, в частности телеканал «Дождь». Тем самым граждане получали возможность самостоятельно определять те проекты, финансирование которых оказывалось принципиально важным, и одновременно контролировать расходование средств.

Таким образом, для понимания носителей новой логики политического участия необходимо выйти за пределы бихевиоралистского понимания мотивов недовольства и гражданской активности. Описание протестующего через фиксирование его социально-демографических характеристик не может «уловить» существо претензий и мотивов многообразных недовольных. Тогда как комму-

никативный подход для понимания новых форм гражданского активизма, в том числе и протестного участия, представляется ключевым, ведь ядро инициативного кластера спаяно не формальными социальными атрибутами, но соответствующей ценностной рамкой и новыми принципами коммуникации, альтернативными тем, что тиражирует система. *Выстраивание новой системы ценностей и логики коммуникации для тиражирования собственных ценностей и есть главная цель протестующих и новых гражданских активистов.* Это позволяет не только выстраивать эффективные сети горизонтальной солидарности, но и самостоятельно производить политический дискурс. При этом участники протестных митингов и симпатизирующие им граждане не являются гомогенной социальной группой: одни видят себя носителями революционных идей, другие – строителями гражданского общества. В частности, Д. Орешкин определил «сердитых» россиян как класс налогоплательщиков – ответственных, самостоятельных горожан, имеющих представление о жизни в демократических странах, своеобразных носителей веберовской этики капитализма, предполагающей честную конкуренцию и личную ответственность [Эксперты: Протестная..., 2012]. Однако в эту логику не вполне вписывается разнообразие идеологического профиля протестующих, среди которых широко были представлены не только либералы, но и левые и националисты. Ещё в 2011–2012 гг. было очевидно, что их альянс носит ситуационный характер. Сегодня же, после воссоединения России и Крыма, развёртывания ситуации в Украине, либералы, с одной стороны, а левые и националисты, с другой, и вовсе оказались по разные стороны баррикад.

В России вопрос о том, влияет ли включённость в информационный контент на оценку ситуации в стране и в мире, продолжает оставаться открытым. Ещё несколько лет назад зависимость мировоззренческих ориентаций граждан, в том числе и в политической сфере, через включённость их в конкретные информационные потоки, просматривалась вполне определённо. В 2011–2012 гг. многие наблюдатели были уверены, что по мере расширения интернет-аудитории постепенно возрастёт и коммуникативная открытость российского социума, что приведёт в свою очередь не столько к нарастанию общественного недовольства, сколько к росту общественного и политического участия значительной части российского общества. Но можно ли сегодня также говорить о влиянии включённости граждан в различные коммуникационные сети, к примеру, в интернет-сети, на их жизненные стратегии, политические ориентации и формы общественной самоорганизации?

Сегодня интернет-аудитория России постоянно расширяется: по данным немецкой компании GfK: к концу 2014 г. доступ к интернету имели 68% российских граждан старше 16 лет (т. е. более 80 млн человек). Главный «посетитель» интернет-ресурсов – российская молодёжь 16–29 лет, среди этой возрастной группы доступ к ресурсам Сети – 95%. Среди россиян среднего возраста (30–54 года) Интернетом в 2014 г. пользовались 79%, среди тех, кто старше 55 лет – 25% [Пользование интернетом..., 2014].

Массовое распространение интернета подтвердило и исследование Института социологии 2015 г. С 2010 г. доля регулярных пользователей интернета (не реже раза в неделю) возросла вдвое, с 34 до 67%. Среди них почти половина (47%) пользуются интернетом ежедневно (см. рис. 1).

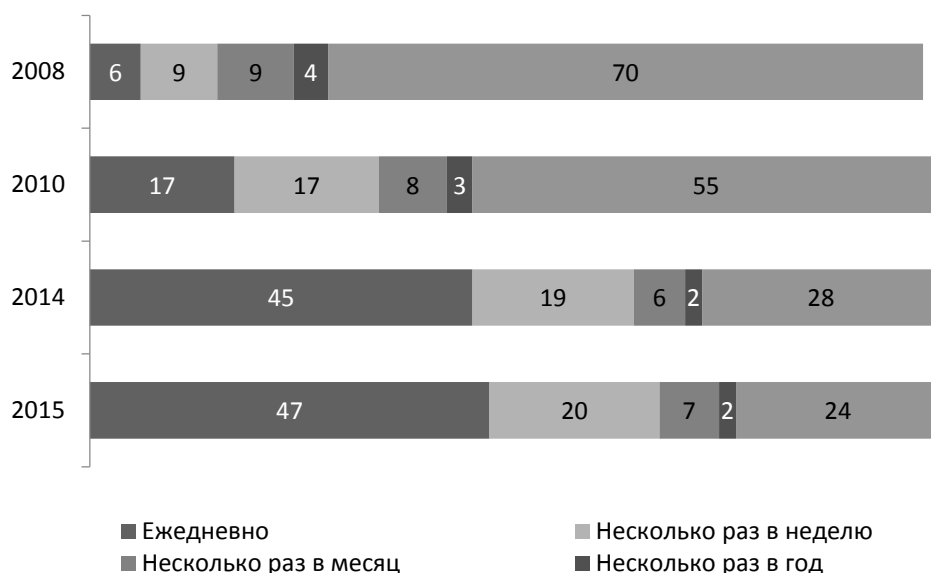

Рис. 1. Динамика вовлечённости россиян в интернет-коммуникацию, % (один ответ)

Больше всего регулярных пользователей интернета наблюдается среди хорошо образованных (81%) молодых людей в возрасте 18–30 лет (94%), проживающих в мегаполисах (74%) и крупных городах (областных, краевых и республиканских центрах) (72%). Кроме того, о регулярном пользовании интернетом чаще заявляли хорошо материально обеспеченные граждане (82%), граждане, которые имеют стабильный доход, получаемый от собственного бизнеса (86%).

Поскольку интернет аудитория молода, активна, имеет определённые материальные возможности, то соответственно и круг их интересов существенно шире, чем у респондентов, которые доступа к интернету не имеют. Это и театры, кино, рестораны, спортклубы, выставки и т. д. Хотелось бы при этом обратить внимание на два важных, на наш взгляд, момента.

Во-первых, на крайне скромные цифры участия в общественной или политической жизни активных пользователей интернета. Лишь 5% работают в различного рода общественных, волонтерских организациях и ещё меньше (2%) принимают

участие в деятельности политических объединений, различных уличных акциях. Во-вторых, на то, что *свободный доступ к информационным ресурсам интернета не превращает их в выделенный информационный источник, не заставляет отказаться от иных ресурсов, прежде всего телевидения*. Это подтверждается ответами респондентов на прямой вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о важнейших событиях в стране и мире?». Даже активные пользователи интернета чаще узнают новости из телевизора (73%), а учитывая, что немалое число респондентов (56%) *ориентируются на информацию от близких родственников*, а те, в свою очередь, ретранслируют телевизионный контент, с большой долей определённости можно сделать вывод о том, что телевидение остаётся ключевым источником информации. Другой вопрос, что информационная картинка телевидения сегодня во многом строится на основе «повестки дня», сформированной интернетом. Кроме того, интернет издания имеют одно существенное преимущество перед всеми медиа – интерактивность, возможность в реальном времени общаться со своей аудиторией. Поэтому ни о выигрыше, ни о проигрыше телевидения или интернета в борьбе за аудиторию говорить не приходится. Идёт быстрый процесс их взаимовлияния и обмена. Это чувствуется даже по близким цифрам востребованности этими источниками активными пользователями – 73% телевидение, 66% интернет (см. таблицу 1).

Таблица 1

Источники информации о важнейших событиях в мире среди тех, кто пользуется и не пользуется интернетом, %

Варианты ответа	Как часто вы пользуетесь Интернетом?		
	Все опрошенные	Часто	Не пользуются
Программы центрального телевидения	77	73	85
Члены семьи, родственники	56	57	53
Друзья, однокурсники, коллеги по работе	45	49	39
Интернет	44	66	5
Программы регионального (местного) телевидения	42	37	51
Программы радиостанций	25	22	30
Газеты, журналы	22	21	24
Зарубежные СМИ	5	7	1

Таким образом, предпочитаемые большинством россиян информационные источники о ситуации в стране и мире замыкаются в основном в логически непротиворечивый круг официальной российской позиции, интерпретирующей в выгодном для себя свете те или иные события. В связи с этим следует вспомнить о так называемом CNN-эффекте. Речь идёт о том, что осуществлённый этой телекомпанией переход на 24-часовой новостной цикл коренным образом изменил связь между телевизионной картинкой и общественным мнением США,

в том числе по вопросам внешней политики [Gilboa, 2005]. Что-то похожее произошло и в России в 2014–2015 гг., с той лишь разницей, что переключение внимания россиян на события в Украине осуществлялось не одной телекомпанией, а с привлечением всех ведущих телекомпаний страны. Что же касается немногочисленных негосударственных СМИ, прежде всего интернет-изданий, то именно в прошлом году, по мнению К. Кобрина, многие медиа, в том числе и негосударственные, работали только «для своих», выдавая то, что от них ожидают читатели, поскольку иного способа укреплять (именно укреплять, а не наращивать) свою аудиторию эти медиа не видели [Кобрин, 2014]. Следствием столь мощного информационного прессинга стало формирование, по мнению известного политолога В. Пастухова, «синдрома отключённого сознания», которое есть необходимое условие выживания в современной России, когда «большинство занято исключительно тем, что тщательно оберегает зону своего психологического комфорта от всякой негативной информации и уж тем более от всякой крамольной мысли» [Пастухов, 2015].

Однако многолетние наблюдения показывают, что россияне в массе своей эмоционально откликаются только на ту информацию, которая соответствует их ожиданиям и предпочтениям. Причём нередко правдивая информация отторгается, если она входит в противоречие с этими ожиданиями (достаточно вспомнить антиельцинскую кампанию в позднесоветских медиа); и напротив, некоторые преувеличения и даже прямая ложь, если она резонирует с доминирующими настроениями, воспринимается с пониманием в качестве своеобразной «военной хитрости» на фронтах «информационной войны». И в этом плане Россия отнюдь не одинока.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что *доступ к ресурсам интернета не выливается* в ориентацию граждан на поиск в виртуальных сетях серьёзной аналитики и не *результатирует в критическое восприятие актуальной информации*. Респонденты, получающие информацию из интернета, мало чем отличаются в оценках ситуации в России и в мире от своих сограждан, черпающих информацию о мире преимущественно из телевизионной картинки (см. таблицу 2).

Таблица 2

Отношение к внутри- и внешнеполитической ситуации в России
среди аудитории ТВ и интернета, %

Вопросы и варианты ответа	ТВ аудитория	Интернет-аудитория
Как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в России в целом?		
Ситуация нормальная, спокойная	34	36
Ситуация напряжённая, кризисная	53	52
Ситуация катастрофическая	5	6
Затруднились ответить	8	6

Продолжение таблицы 2

Вопросы и варианты ответа	ТВ аудитория	Интернет-аудитория
Как Вы оцениваете перемены, произошедшие в России за последний год?		
Произошли значительные перемены к лучшему	10	12
Произошли некоторые перемены к лучшему	37	39
Произошли некоторые перемены к худшему	32	29
Произошли значительные перемены к худшему	9	11
Никаких перемен не произошло	12	9
Как Вы оцениваете перспективы развития России в ближайший год?		
Страна будет развиваться успешно	26	29
Страну ждут трудные времена	48	48
Ничего принципиально не изменится	24	22
Затруднились ответить	1	1
Как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в мире?		
Ситуация нормальная, обычная	11	12
Ситуация беспокойная, нестабильная	55	51
Сегодняшний мир находится в состоянии глубокого кризиса	19	20
Мировое сообщество находится на пороге катастрофы, всевозможных потрясений	9	11
Затруднились ответить	6	6
Как Вы оцениваете перспективы развития ситуации в мире в ближайший год?		
Ситуация в мире будет улучшаться	9	9
Скорее улучшится, чем ухудшится	24	27
Скорее ухудшится, чем улучшится	38	39
Ситуация будет ухудшаться	9	10
Затруднились ответить	19	15

Таким образом, исследования не подтверждают резкой оппозиционности пользователей интернета по вопросам внутренней политики: более половины (57%) тех, кто черпает информацию преимущественно из интернета, поддерживают деятельность В. Путина на посту Президента РФ. Показатель поддержки В. Путина среди пользователей интернетом лишь на 5% ниже, чем среди представителей ТВ аудитории (62%) (см. таблицу 3).

Возможно, большее «политизирующее действие» на граждан оказывает использование социальных сетей как особого вида коммуникации? Особенности интереса к пользователям социальными сетями (как к выделенной группе интернет пользователей) неслучаен. Как неоднократно отмечалось экспертами, пользователи социальных сетей – не просто пассивные посетители web-ресурсов, они, как правило, ещё и вовлечены в разнообразные группы интересов,

а то и солидарного действия. Прокатившаяся по всему миру в начале 2010-х гг. «протестная волна» не в последнюю очередь стала возможна благодаря оперативной тематической коммуникации в социальных сетях. Социальные сети сыграли роль уже упомянутых так называемых «слабых связей», объединивших для решения социально значимых проблем представителей различных социальных групп. Коммуникация и, что важнее, солидарные действия социально далёких друг от друга граждан, оказались возможны в немалой степени благодаря активному обсуждению в социальных сетях, в том числе и в тематических группах, «острых вопросов».

Таблица 3

**Отношение к деятельности В. Путина на посту Президента России
среди аудитории ТВ и интернета, %**

Варианты ответа	ТВ аудитория	Интернет-аудитория
Поддерживают	62	57
Отчасти поддерживают, отчасти – нет	31	33
Не поддерживают	5	8
Затруднились ответить	2	2

Значительное внимание к этой весьма специфической группе российского общества было также обусловлено тем, что как уже отмечалось, с подачи некоторых журналистов и экспертов «сетевое сообщество» стало отождествляться с так называемым «креативным классом». И хотя это отождествление не совсем корректно, оно всё же позволило начать дискуссию о новых линиях размежевания российского социума, а также инициировало поиск новых реперных точек самоидентификации городского среднего класса.

Сегодня в России участие в социальных сетях распространено не столь широко, как доступ в интернет. По данным последних исследований, регулярно (ежедневно или несколько раз в неделю) социальные сети использует почти половина (47%) граждан, что в численном эквиваленте означает, что в социальные сети сегодня вовлечены не менее 60 млн россиян. Не пользуются социальными сетями 39% опрошенных, пользуются редко – 14%.

Интересно, что использование интернета не всегда выливается в активность в социальных сетях, в которых регулярно общаются чуть более двух третей (71%) активных пользователей интернета. Ещё треть активных интернет-пользователей в социальных сетях зарегистрированы, но пользуется ими редко (13%) или не пользуется вовсе (15%). Это означает, что минимум 1/3 активных пользователей интернета в принципе не интересуют его коммуникативные возможности, а тем более возможности самоорганизации, предоставляемые общением в социальных сетях (см. рис. 2).

Если говорить о портрете «типичного» пользователя социальных сетей, то в протестные 2011–2013 гг. многие эксперты видели его представителем «креативного класса», противостоящим консервативно-ригидной «партии телевизора». Сегодня же, напротив, всё большее распространение получает точка зрения, согласно которой *социальные сети – это не более чем открытая среда коммуникации носителей разных взглядов и идей*. А включённость в социальные сети не является следствием принадлежности к конкретным социально-демографическим или идейно-политическим группам.

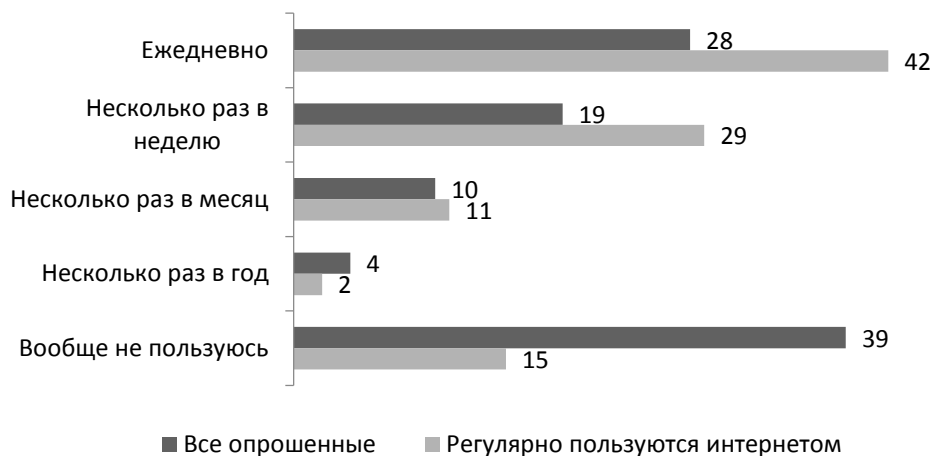

Рис. 2. Частота использования гражданами социальных сетей, %

Судя по результатам исследования Института социологии РАН, отчасти справедливы и первая, и вторая точки зрения. В отличие от пользователей интернета, «сетевое сообщество» обладает отчётливо выраженными признаками социальной определённости, позволяющими их характеризовать как «продвинутую» часть среднего класса. Так, *среди регулярных пользователей социальных сетей – в первую очередь молодёжь* (83% среди респондентов в возрасте 18–30 лет пользуются социальными сетями ежедневно или несколько раз в неделю). Несколько чаще регулярно пользуются социальными сетями хорошо материально обеспеченные россияне (58%), те, кто выше оценивают свои потребительские возможности. Чаще в пользовании социальными сетями признаются респонденты, для которых основным источником дохода является либо помощь родственников, друзей (62%), либо собственный бизнес (58%) т. е. они окружены надёжными социальными связями и имеют стабильный доход. Это, впрочем, позволяет предположить, что среди активных пользователей социальных сетей есть как социально самостоятельные граждане, так и очень молодые люди, либо всё ещё получающие образование и поэтому живущие на дотации родственников,

либо только начинающие самостоятельную жизнь. Этим участники социальных сетей в некоторой степени отличаются от более широкой аудитории интернета, а также незначительной части пенсионеров.

Специфика места поселения граждан не оказывает особенного влияния на их вовлечённость в социальные сети: среди жителей как мегаполисов, так и сельских поселений примерно равна доля тех, кто пользуется социальными сетями часто (40–42%). Одновременно среди жителей мегаполисов и сельских поселений примерно равна доля тех, кто виртуальными сетями не пользуются (44–46%) (см. таблицу 4).

Таблица 4

Социально-демографические и материально-имущественные характеристики пользователей социальных сетей, %

Варианты ответа	Как часто Вы пользуетесь социальными сетями?		
	Часто	Редко	Не пользуюсь
Возрастные группы, лет			
18–30	83	10	7
31–40	60	20	21
41–50	41	19	40
51–60	28	15	57
Старше 60 лет	5	6	88
Образование			
Среднее	43	10	47
Среднее специальное	43	14	43
Высшее	55	16	28
Уровень материального обеспечения			
Хорошо	58	16	26
Удовлетворительно	46	14	40
Плохо	41	12	47
Тип поселения			
Мегаполис	40	16	44
Областной центр	51	14	35
Районный центр	51	14	35
ПГТ	50	19	31
Село	42	12	46

Кроме того, большинство пользователей социальных сетей считают себя (71%) и свою семью (69%) представителями среднего класса. Те, кто в социальные сети не включён, средним классом себя определяют заметно реже (49%), хотя данный показатель в этой группе тоже высок (см. таблицу 5).

Таблица 5

**Оценка пользователями социальных сетей уровня собственного материального благополучия
и материального благополучия своей семьи, %**

Вопросы и варианты ответа	Как часто пользуетесь социальными сетями?		
	Часто	Редко	Не пользуются
А вообще Вы считаете свою семью семьёй среднего класса?			
Да	71	64	52
Нет	29	36	48
А самого себя Вы считаете представителем среднего класса?			
Да	69	64	49
Нет	31	36	51

Помимо некоторой общности их социального позиционирования, активных пользователей сетей отличает стремление к самореализации в самых разных областях и сферах их жизнедеятельности. Причём актуальны не только материальные факторы успеха (достижение финансового благополучия, работа, бизнес), но и нематериальные: дружба, здоровье, семья, спорт (см. рис. 3). Их отметили свыше 50% респондентов постоянных пользователей социальных сетей. У респондентов, не пользующихся интернетом, примерно те же приоритеты, но менее выраженные. Возможно потому, что среди них преобладают люди молодые, для которых многие жизненные цели, в отличие от молодёжи, широко представленной в аудитории сети, либо уже достигнуты, либо уже не актуальны (любовь, образование, карьера, самореализация).

В связи с этим возникает вопрос: может быть, действительно никакой разницы в целеполагании и реализации жизненных практик между партией «интернета» и «партией телевизора» нет, и отличает их лишь возраст, который и предопределяет жизненные установки рассматриваемых групп. Для проверки этой гипотезы из массива были удалены респонденты самой младшей молодой когорты – 18–30 лет и самые старшие от 50 до 60 и после 60 лет. Анализировались лишь респонденты средних возрастных групп – 30–50 лет, т. е. самая дееспособная часть населения. Как видно из рис. 4, некоторые показатели, характеризующие ориентации респондентов в отношении разных жизненных стратегий, несколько выровнялись. Речь идёт, прежде всего, об актуальности в общей иерархии приоритетов работы, бизнеса и финансового благополучия. Более того, среднее поколение россиян, не включённое в социальные сети по этим позициям, несколько опередило представителей сетевого сообщества. Если у всех респондентов, не пользующихся социальными сетями, например, работа/бизнес занимает четвёртое место, то у 30–50-ти летних она делит первое-второе, причём с существенным превышением (39% у всех против 70% у 30–50-летних). Зато представители сетевого сообщества в большей степени нацелены на нематериальные цели жизненного успеха (самореализация, любовь, образование, семья, здоровье, дружба и т. п.). Вероятно, это связано с тем, что к тридцати-пятидесяти годам многие из них имеют прочный материальный фундамент, позволяющий им существенно расширить горизонт целеполагания.

Рис. 3. Оценка важности лично на сегодняшний день различных сфер жизни среди респондентов, ежедневно пользующихся соцсетями, и не пользующихся ими совсем (оценки по шкале от «1» — «не важно» до «5» — «очень важно»; приведены доли ответов «очень важно».

Упорядочено по разнице в доле ответов между респондентами двух групп), %

Рис. 4. Оценка важности лично для них на сегодняшний день различных сфер жизни – среди респондентов В ВОЗРАСТЕ 30–50 ЛЕТ, ежедневно пользующихся социальными сетями, и не пользующихся ими совсем (оценки по шкале от «1» – «не важно» до «5» – «очень важно»; приведены доли ответов «очень важно».

Упорядочено по разнице в доле ответов между респондентами двух групп), %

Особо хотелось бы отметить довольно высокий показатель опции «жить в более справедливом и разумно организованном обществе». Её отметили 48% респондентов «сети» и 57% не пользующихся интернетом. Однако как только речь зашла о важности личного участия в создании этого общества, энтузиазм респондентов заметно поубавился. В перечне целеполагания позицию «быть полезным обществу, людям» отметили 33% пользователей социальных сетей и 27% респондентов, не имеющих доступа к интернету. Практически идентичная картина наблюдается в возрастном диапазоне 30–50 лет. А участие в общественной и политической жизни вообще оказалось на последнем месте. Хотя 11% респондентов в активном возрасте считающих для себя важным участие в политической и общественной жизни – не такой уж плохой результат на фоне спада политической активности в стране.

Таким образом, можно констатировать, что россияне, входящих в «сетевое сообщество», отличают некоторые специфические особенности. Во-первых, они выступают носителями активных социальных практик, имеют широкий круг интересов, материальные возможности их удовлетворения. Во-вторых, они в меньшей степени зависимы от государственных преференций. Во всяком случае, доля «самодостаточных» россиян, активно включённых в социальные сети (ежедневно или несколько раз в неделю), значительно больше, чем доля тех граждан страны, которые не могут обойтись без государственной поддержки (55 против 46%). В данном случае речь идёт о респондентах в возрасте 30–50 лет. Напомним, что среди всех опрошенных соотношение было ещё более существенным – 55 против 29% (см. рис. 5).

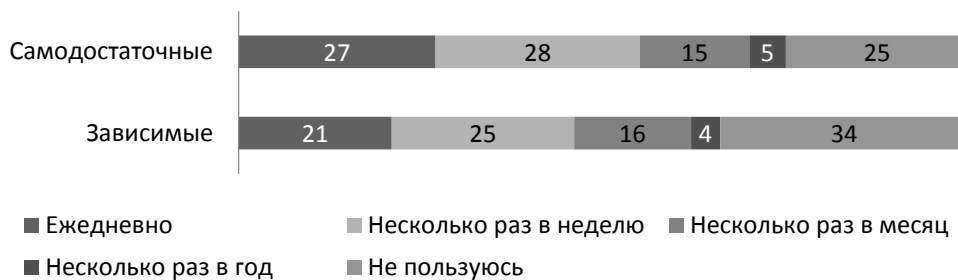

Рис. 5. Частота пользования социальными сетями среди респондентов в ВОЗРАСТЕ 30–50 ЛЕТ, имеющих самостоятельную или зависимую от государства жизненную позицию, %

Но, с другой стороны, их жизненные стратегии и практики лишь в незначительной степени ориентированы на достижение общего блага, на совместные солидарные действия, в том числе в политической сфере. Это аморфная, идеологически и политически не структурированная часть «самодостаточных россиян», у которых нет общих ценностей и интересов. Уровень их общественного и политического участия, как показал опрос, столь же низок, что и у основной массы россиян.

Всплеск же их активизма, наблюдавшийся в 2011–2012 гг. оказался кратковременным прежде всего потому, что мода на протест, как и любая мода, оказалась недолговечной. Причём, не только в России. В предельно ироничной книге Дэвида Брукса «Бобо в раю: Откуда берётся новая элита» [Брукс, 2013: 121], автор пишет о новой американской элите, шутя, называя её «бобо» («богемная буржуазия»). Бобо – некий собирательный образ образованной, обеспеченной, социальной адаптированной молодёжи, в идентичности которой гармонично уживается антиправительственный пафос с типично республиканским принципом неограниченной свободы предпринимательства, когда максимальная свобода, юношеский максимализм в заявлениях сочетается с конформизмом и системностью поведения. Похоже, применительно к некоторой, причём весьма значительной части российского «сетевого сообщества», это относится в полной мере. Прежде всего, в плане его политической индифферентности.

Во всяком случае, как видно из нижеприведённых данных, у активных участников социальных сетей (пользующихся ими ежедневно или несколько раз в неделю) интерес к политике ниже, причём значительно, чем у респондентов, ими не пользующимися вовсе. Постоянно следят за событиями в стране 24–25% «сетевых людей», ещё 36% «факультативно», в то время как пользующихся традиционными источниками информации – 34 и 41% соответственно. Не интересующихся же политикой среди первых более трети (37%), а среди вторых лишь четверть (24%). Непосредственное, личное участие в деятельности политических партий, митингах и демонстрациях характерно для крайне незначительного числа россиян (1–2%) (см. таблицу 6).

Таблица 6

Проявление интереса к политике в зависимости от частоты пользования социальными сетями, %

Варианты ответа	Среди всех опрошенных	Пользуются социальными сетями				
		Ежедневно	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Вообще не пользуются
Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране	29	25	24	29	21	34
Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками	40	36	45	37	46	41
Лично участвуют в течение последнего года в политической деятельности (в работе политических партий, митингах, демонстрациях, забастовках)	2	2	1	2	1	1
Политикой не интересуются	30	37	30	33	31	24

Также не прослеживается заметных отличий в уровне гражданского неполитического активизма между респондентами, включёнными и не включёнными в социальные сети. Разница составляет буквально 1–2%. Единственное исключение – интернет-сообщества, в которых в течение последних двух лет участвовали 13% активных посетителей социальных сетей, тогда как в деятельности профсоюзов и волонёрских движениях участвовали 6%, благотворительных организациях и органах местного самоуправления по 5%. При этом, не следует забывать, что тематика интернет-сообществ может быть самой разнообразной, не обязательно социально или политически ориентированной, и главное – они редко ориентированы на практический результат, скорее, это группы по интересам (см. таблицу 7).

Таблица 7

**Уровень вовлечения пользователями социальных сетей
 в деятельность различных общественных организаций, %**

Варианты ответа	Все опрошенные	Пользуются социальными сетями		
		Часто	Редко	Не пользуются
Интернет-сообщества	7	13	6	1
Местное самоуправление, ТСЖ	6	5	8	6
Профсоюзы	5	6	4	4
Социальные волонёрские движения (помощь при пожарах, наводнениях)	4	6	3	2
Благотворительные организации	4	5	3	2
Экологические организации	2	3	3	1
Общества защиты прав потребителей	2	2	1	1
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т. п.	2	2	2	1
Религиозные организации	2	1	2	3
Правозащитные организации	1	1	2	1
Другое (отряды самообороны, спортивные объединения)	1	1	0	0
Не приходилось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	77	71	79	84

По данным исследования Института социологии РАН, проведённого зимой 2014 г. [Гражданский активизм, 2014], единицы используют Интернет для достижения практических, тем более социально значимых целей: только 5% привлекает в социальных сетях возможность участия в общественных акциях, 2% – участие в политических инициативах. Выстраивание коммуникаций по интересам, поиск единомышленников или собеседников, до которых можно было бы донести своё мнение, представляет интерес для сравнительно небольшого числа наших сограждан (9–12%).

Авторы доклада «Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчёт о результатах исследования активизма в России» также обращают внимание на то, что интернет-участие в России сегодня строится по принципу 90-9-1, когда не более 1% граждан будут создавать новый контент, 9% будут на него активно реагировать (распространять или комментировать новую информацию), тогда как 90% в лучшем случае знакомиться [Российский неполитический..., 2012]. Интернет-участие, как и off-line инициативность, выстраивается вокруг фигур единичных пассионариев и энтузиастов. Соответственно в ситуации, когда активистское «ядро» составляет в структуре населения не более 5%, нельзя ожидать от интернета невероятного всплеска интереса к низовой самоорганизации. Напротив, многие интернет инициативы способствуют распылению активизма, ведь часто номинальная вовлечённость в интернет-активность есть лишь имитация гражданской инициативности («арабская весна» даже породила мем “like is not action/поставить лайк – не значить действовать”).

Есть и другой аспект коммуникации в рамках интернет сообществ: общение, как правило среди единомышленников, в пределах идейно ограниченной группы. Как пишет Петр Биргер [Биргер, 2015], ссылаясь на исследование Мичиганского университета, носители конкретных идеологических взглядов склонны отдавать предпочтение информации, публикуемой идейно близкими ресурсами либо пользователями социальных сетей схожих идейных установок: «консерваторы и либералы предпочитают себе подобных», так что «до пользователя с чёткими политическими взглядами доходит не больше 40% «оппозиционных» ссылок», что означает, что сторонники конкретных идейных взглядов редко выходят «за пределы» собственной повестки.

В нашей стране «окукливание» идейных меньшинств сопровождается идейно-политической аморфностью большинства «сетевого сообщества». 68% активных пользователей социальных сетей признались в ходе опроса ИС РАН, что они не имеют отчётливо выраженных политических взглядов. И это понятно, поскольку, как уже отмечалось, лишь треть пользователей внимательно следят за политическими событиями в стране. А среди тех, кто определился с политическими предпочтениями, сегодня мало тем, по которым возможен диалог с политическими оппонентами. Если ещё два года назад авангард российского оппозиционного движения был лево-либеральным, то «Крым» серьёзно развёл два этих лагеря, в том числе и в интернет-дискуссиях. В последнее время идейное размежевание левых, либералов и националистов в социальных сетях только усилилось.

Применительно же к большинству «умеренно виртуально активных» граждан можно, похоже, говорить о «*пост-крымском*» уходе не просто из сетей, но из той самой «*партии интернета*» (именно из активистского сегмента интернет-пользователей) во «*внутреннюю сетевую миграцию*». Причины ухода – как внутренние, так и внешние. Если внутренние причины сокращения виртуальной активности частью аудитории можно связать с переориентацией многих на реальные проблемы обеспечения материального благополучия себя и своей семьи в условиях экономического кризиса, то внешние причины обусловлены резкой радикализацией интернет-дискурса. «После Крыма» «партия Интернета» не только раскололась на сторонников и противников его воссоединения с Россией, но и оказалась в ситуации дефицита собственной повестки. Радикализация позиций по «украинскому вопросу» многих знаковых фигур интернета, яростная полемика в сети, доходящая до взаимных оскорблений, отвернула многих её пользователей. Тем более, что *повышенный уровень оппозиционности участников социальных сетей не более чем миф. Пользователи социальных сетей уровнем поддержки власти не сильно отличаются от политически «массового» пользователя интернета и не пользующегося им вовсе.*

События в Крыму и на Востоке Украины, как писал Ф. Крашенинников, стёрли «границы между лоялистами, воспитанными телевизором, и оппозицией, выращенной в Интернете» [Рунет перестал быть..., 2014], лево-националистический фланг оппозиции нашёл в пост-крымском консервативном консенсусе созвучные своей повестке мотивы народного восстания, многие бывшие критики власти поддержали борьбу власти «за интересы русских и русскоязычных».

Кроме того, и это *зафиксировал опрос ИС РАН, далеко не все пользователи интернета ощущают виртуальное пространство жизненно важной средой обитания.* С одной стороны, большинство интернет пользователей (даже и консервативных настроений) сегодня действительно очень трепетно относятся к своему праву на свободное использование интернет ресурсов и общение в социальных сетях. Право на свободный доступ к информации – для них непреложная ценность, более половины (58%) пользователей интернета заявили о том, что они не готовы пойти на ограничение собственной свободы на информацию, даже если этого требует укрепление положения страны и её самостоятельного статуса на международной арене.

Но с другой стороны, несмотря на нежелание большинства из них расстаться с правом на свободу информации, в данном вопросе вновь своё подтверждение находят слова о постепенном растворении «партии интернета» в массовом обывателе, использующем интернет как средство развлечения, но не поиска объективной информации или ресурса организации коллективного действия. И готовы принять ограничение свободного доступа в интернет – в марте 2015 г., т. е. уже после блокировки ряда оппозиционных ресурсов, отказаться от свободного пользования интернетом были непротив 34% активных пользователей социальных сетей. Настоящих

защитников свободы информации и слова оказалось меньше – всего 24%. Однако четверть всех пользователей социальных сетей, открыто не согласных с политической цензурой в интернете – это не так уж и мало.

При всей критичности многих экспертов в отношении потенциала, в том числе и политического, интернета и социальных сетей, по меньшей мере, в двух аспектах их роль для российского общества оказалась чрезвычайно важной. Во-первых, они разрушили (хотя бы до некоторой степени) монополию влияния электронных медиа, индустрии развлечений и массовой культуры на умы людей, и тем самым вернули вкус и интерес к публичной политике, спорам, дискуссиям, обмену мнениями значительной части населения, прежде всего городской молодёжи. Во-вторых, дали толчок многим отнюдь не виртуальным гражданским инициативам, а также, позволили «высветить» реакцию властей на многие волнующие общество проблемы [Российское общество и вызовы..., 2015: 156].

Неслучайно среди форм общественного участия интернет-сообщества привлекают наибольшее внимание россиян, хотя и их охват сравнительно невысок. Но как известно, на рубеже 1980-х – начала 1990-х гг. именно небольшие объединения «неформалов» дали России целую плеяду известных ныне общественных и политических деятелей. И сегодня «вторая волна неформалитета» выступает триггером многих общественных инициатив, а также своеобразной «кузницей кадров» неизбежной уже в ближайшее время ротации общественной и политической элиты России. С этой точки зрения, статистические характеристики не всегда адекватно отражают интенсивность участия, значимость тех или иных организаций как для общества, так и отдельных граждан, особенно тех, на нужды которых не может или не хочет откликнуться государство. Например, проект «*Soyuzpokoleniy.ru*» занимается помощью пожилым людям, проект «*Osobennyyedeti.ru*» ориентирован на помощь и адаптацию детям, больным ДЦП, Фонд Солидарность организует помощь тяжелобольным детям, сиротам, малоимущим семьям. Существует целая сеть организаций, занимающихся помощью бездомным животным (*kotopes.info*, *priut-info.ru*).

Успешно работали волонтерские инициативы в ходе организации помощи пострадавшим от стихийных бедствий – как, например, проект «Амур '13», участники которого организовали волонтерскую помощь пострадавшим в результате наводнения на Дальнем Востоке, или проекты *rusbereza.ru*, *predanie.ru*, участники которых оказывали помощь пострадавшим от наводнения в Крымске. Благотворительные инициативы в России многообразны и широко поддерживаются гражданами. Другой вопрос, что гражданская самоорганизация в России носит хотя и интенсивный, но несколько хаотичный характер, коллек-

тивная солидарность в России реализуется не через устойчивую сеть контактов и интеракций, а через интерес к проблеме — чем выше внимание к проблеме, тем активнее солидарность.

При этом практика показывает, что между политическим и общественным участием нет жёсткого «водораздела». В последнее время заметно актуализировались «пограничные» по своей сути формы активизма — политические по объекту приложения этой активности, но самостоятельные по способам её реализации. Например, по собственным оценкам, около 6% россиян (и практически каждый десятый молодой человек) были вовлечены в последние федеральные выборные кампании в качестве «политических волонтеров» (наблюдателей, агитаторов, сборщиков подписей и т. п.). Однако и «чисто социальные» движения могут трансформироваться в политические, причём в ряде случаев в радикально политические, если не удаётся в рамках законных возможностей добиться поставленных целей или «достучаться» до властей. Чаще всего подобная трансформация характерна для движений борющихся за гражданские и трудовые права граждан. Любопытно, что в последнее время наметилась и обратная тенденция — «социализация политических движений»: участники многих, даже протестных движений, таких как «движение за честные выборы» стремились не акцентировать особого внимания на общеполитических требованиях и манифестирования идеологической самоидентификации в надежде на то, что, с одной стороны, в их ряды вольются люди, далёкие от политики, а с другой, что движение не смогут «подмять» партийные функционеры и политические активисты тех или иных партий.

Наконец, всё активнее начинает работать такая новая для России (но уже получившая широкое распространение за рубежом) форма «электронной демократии» как *публичная электронная петиция*. Сервисы, размещённые в открытом доступе в сети Интернет, позволяют публично направлять петиции в органы государственной власти и собирать в их поддержку голоса сограждан. При достижении определённого уровня одобрения петиция становится обязательной для рассмотрения властями. Наиболее известными сервисами электронных петиций сейчас являются проект «We, the People» (URL: <https://petitions.whitehouse.gov>), портал электронных петиций Правительства и Парламента Великобритании (URL: <http://epetitions.direct.gov.uk>). В нашей стране в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [Указ Президента, 2013] также создан портал электронных петиций *Российская общественная инициатива* (URL: <https://www.roi.ru>).

Есть все основания полагать, что уже в ближайшее время эта форма общественной инициативы станет важным элементом «обратной связи» между обществом и властями разного уровня. Особенно на уровне местных сообществ. Ведь в ходе реализации многочисленных проектов на местах могут расходиться интересы не только властных органов и населения, но и интересы разных групп

граждан. Скажем, автомобилистов, которые заинтересованы в строительстве паркинга возле своего дома и родителей, которым в этом же месте нужна детская площадка или сквер. И таких примеров тысячи. Поэтому чрезвычайно важным направлением дальнейшего совершенствования регулирования, в том числе и правового, участия граждан в местном самоуправлении должно стать закрепление процедур, обеспечивающих бесконфликтную конкуренцию несовпадающих интересов различных групп (сообществ) жителей. Без интерактивной коммуникации в современных условиях эту задачу решить не удастся.

Список литературы

Биргер П. Почему Facebook знает вас лучше, чем ваши родные. 2015. [Электронный ресурс] // Slon.ru. URL: <https://slon.ru/posts/51749> (Дата обращения: 24.10.2015).

Брукс Д. Бобо в раю: Откуда берётся новая элита. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 296 с.

Годовой отчёт проекта «Активный гражданин». 2015 [Электронный ресурс] // «Активный гражданин» URL: <http://ag.mos.ru/docs/annual-report-AG.pdf> (Дата обращения: 24.10.2015).

Голубева А., Ишматова Д. Электронная демократия в России: формирование традиции политической осведомленности и участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 50–65.

Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия [Электронный ресурс] // Polit Analitika. Дата публикации 25 июня 2014. URL: http://www.politanalitika.ru/doklad/grazhdanskiy_aktivizm_novye_subekty_obshchestvenno_politicheskogo_deystviya/ (Дата обращения: 12.11.2015).

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис (Политические исследования) 1997. № 4. С. 6–23.

Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

Кобрин К. Medlenno.ru: пролегомены к [Электронный ресурс] // Colta.ru. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/5799> (Дата обращения: 24.10.2015).

Омеличкин О. Электронная демократия: понятие, проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1–2 (57). С. 86–89.

Пастухов В. Синдром отключённого сознания [Электронный ресурс] // BBC. co.uk. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/blogs/2014/12/141208_blog_pastoukhov_syndrome_unplugged_consciousness (Дата обращения: 24.10.2015).

Пользование интернетом в России: итоги 2014 года. [Электронный ресурс] // Gfk. URL: https://www.gfk.com/ru/Documents/Internet_in_Russia_2014-final_full.pdf (Дата обращения: 24.10.2015).

Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчёт о результатах исследования активизма в России. Центр ГРАНИ. Пермь: ИЦ «Астер», 2012. – 65 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. – М: Издательство Весь Мир, 2015. – 432 с.

Рунет перестал быть цитаделью оппозиции [Электронный ресурс] // URA. ru. URL: <http://ura.ru/content/svrd/26-07-2014/articles/1036262594.html> (Дата обращения: 24.10.2015).

Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 10 ст. 1019. 11 марта.

Эксперты: Протестная активность в России ослабла // Deutsche Welle. November, 28'th. [Электронный ресурс] // “Deutsche Welle”. URL: <http://dw.de/p/16r1e> (Дата обращения: 24.10.2015).

Gilboa E. Global Television News and Foreign Policy: Debating the CNN Effect // International Studies Perspectives. 2005. Vol.6, Iss. 3, P. 325–341.

Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1983. № 1. P. 201–233.

Lawrence E., Sides J., Farrell H. Self-segregation or Deliberation? Blog Readership, Participation and Polarization in American Politics. // Department of Political Science George Washington University, 2009, March, 10'th. [Электронный ресурс] // URL: <http://journalistsresource.org/wp-content/uploads/2012/03/blogpaper.pdf> (Дата обращения: 24.10.2015).

Information and Communication Factors for Formation of New Civil Activism Practices

Barash Raisa Eduardovna

Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia.

E-mail: raisabarash@gmail.com

Petuhov Vladimir Vasil'evich

Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Center for Comprehensive Social Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.

Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia.

E-mail: petuhovvv@mail.ru

Petuhov Roman Vladimirovich

Candidate of Law Sciences, Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218,

Moscow, Russia. E-mail: petuhovrv@yandex.ru

Abstract. The authors focus on the role of information and communication technologies in the formation of social and political attitudes of Russians and various practices of social activities. They discuss new possibilities and simultaneously the risks of interactive forms of interaction between society and government, the mobilizing potential of the Internet and social networks, including when defending civil and political rights of Russians. Based on the results of research performed by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Science, the authors conclude that the potential for political and especially non-political activism on the Internet is not as high as it was predicted a few years ago and today there are no significant differences observed in its level among respondents who do or do not use social networks. The “post-Crimea” syndrome has impacted the split of the network community on the issue of Russian activities in Ukraine and as a result the previously unified activist segment of Internet users divided into various ideological and political niches. At the same time, the authors conclude that the Internet and social networks have played an important positive role by bringing back interest in public policy to many Russians and giving a boost to many civil initiatives and various forms of grassroots self-organization, in particular by designing virtual “weak networks”.

Keywords: communication, self-organization, local self-government, the Internet, e-democracy, e-democracy, protest.

REFERENCE

Birger P. Pochemu Facebook znaet vas luchshe, chem vashi rodnye. [*Why Facebook knows you better than your family*]. 2015 [Elektronnyj resurs] Slon.ru. URL: <https://slon.ru/posts/517> (Data obrashhenija: 24.10.2015). (In Russ.).

Bruks D. Bobo v raju: Otkuda berjotsja novaja jelita. [*Bobo in Paradise: where does the new elite*]. M.: Ad Marginem Press, 2013. — 296 s. (In Russ.).

Godovoj otchjot proekta «Aktivnyj grazhdanin». [*Annual report of the project “Active citizen”*]. 2015 [Elektronnyj resurs] “Aktivnyj grazhdanin” URL: <http://ag.mos.ru/docs/annual-report-AG.pdf> (Data obrashhenija: 24.10.2015). (In Russ.).

Golubeva A., Ishmatova D. Elektronnaja demokratija v Rossii: formirovanie tradicii politicheskoj osvedomlennosti i uchastija. [*Electronic democracy in Russia: the formation of the tradition of political awareness and participation*]. J. Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2012. № 4. S. 50–65. (In Russ.).

Grazhdanskij aktivizm: nove sub#ekty obshhestvenno-politicheskogo dejstvija. [*Civil activism: new actors of social and political action*]. [Elektronnyj resurs] J. Polit Analitika. Data publikacii 25 ijunja 2014. URL: http://www.politanalitika.ru/doklad/grazhdanskiy_aktivizm_nove_subekty_obshchestvenno_politicheskogo_deystviya/ (Data obrashhenija: 12.11.2015). (In Russ.).

Inglhart R. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva. [*Postmodern: changing values and changing societies*]. J. Polis (Politicheskie issledovanija) 1997. № 4. S. 6–23. (In Russ.).

Kastel's M. Galaktika Internet. [*Galaxy Internet*]. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2004. — 328 s. (In Russ.).

Kobrin K. Medlenno.ru: prolegomeny k. [Medlenno.ru: prolegomena to]. [Elektronnyj resurs] J. Colta.ru. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/5799> (Data obrashhenija: 24.10.2015). (In Russ.).

Omelichkin O. Elektronnaja demokratija: ponjatie, problem. [*E-democracy: concept, problem*]. J. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1–2 (57). S. 86–89. (In Russ.).

Pastuhov V. Sindrom otkljuchjonnogo soznanija. [*Syndrome of the disabled consciousness*]. [Elektronnyj resurs]. BBC.co.uk. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/blogs/2014/12/141208_blog_pastoukhov_syndrome_unplugged_consciousness (Data obrashhenija: 24.10.2015). (In Russ.).

Pol'zovanie internetom v Rossii: itogi 2014 goda. [*The use of the Internet in Russia: results 2014*]. [Elektronnyj resurs]. Gfk. URL: https://www.gfk.com/ru/Documents/Internet_in_Russia_2014-final_full.pdf (Data obrashhenija: 24.10.2015). (In Russ.).

Rossijskij nepoliticheskij aktivizm: nabroski k portretu geroja. Otchjot o rezul'tatah issledovanija aktivizma v Rossii. [*Russian non-political activism: sketching a portrait of the hero. A report on the results of the research of activism in Russia*]. Centr GRANI. Perm': IC «Aster», 2012. — 65 s. (In Russ.).

Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraja. [*Russian society and the challenges of the time. Book two*]. / Pod red. M. K. Gorshkova i V. V. Petuhova. — M: Izdatel'stvo Ves' Mir, 2015. — 432 s. (In Russ.).

Runet perestal byt' citadel'ju oppozicii. [*The Runet has ceased to be a citadel of opposition*]. [Elektronnyj resurs] // URA.ru. URL: <http://ura.ru/content/svrd/26-07-2014/articles/1036262594.html> (Data obrashhenija: 24.10.2015). (In Russ.).

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 4 marta 2013 g. № 183 “O rassmotrenii obshhestvennyh iniciativ, napravlennyh grazhdanami Rossijskoj Federacii s ispol'zovaniem internet-resursa “Rossijskaja obshhestvennaja iniciativa”. [*The decree of the President of the Russian Federation from March 4, 2013 № 183 “About reviewing of the public initiatives of the citizens of the Russian Federation with usage the Internet resource “Russian public initiative”*]. J. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. № 10 st. 1019. 11 marta.

Jeksperty: Protestnaja aktivnost' v Rossii oslabla. [*Experts: Protest activity in Russia weakened*]. J. Deutsche Welle. November, 28'th. [Elektronnyj resurs] “Deutsche Welle”. URL: <http://dw.de/p/16r1e> (Data obrashhenija: 24.10.2015). (In Russ.).

Gilboa E. Global Television News and Foreign Policy: Debating the CNN Effect // International Studies Perspectives. 2005. Vol .6, Iss. 3, P. 325–341.

Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1983. № 1. P. 201–233.

Lawrence E., Sides J., Farrell H. Self-segregation or Deliberation? Blog Readership, Participation and Polarization in American Politics. // Department of Political Science George Washington University, 2009, March, 10'th. [Electronic resource] URL: <http://journalistsresource.org/wp-content/uploads/2012/03/blogpaper.pdf> (Дата обращения: 24.10.2015).